

Николай Боков

КАК БЫЛА НАПИСАНА ЭТА КНИГА

Цена: всего-то 20 фр. фр.

Подписчикам „Ковчега” — 16 фр. с пересылкой.

“ Быть может, однажды станет известно — ибо несповедимы тайны “двоемыслия”, — говорится в предисловии к французскому изданию повести. ” — что если “Смута новейшего времени” и не принадлежит к числу произведений Кочетова, то она написана другим, похожим на него, как родной брат, занимающим столь же прочное положение в обществе. И тогда “смельчак на миг” приобретет паспорт в будущее”.

Дело, разумеется, обстояло иначе, и теперь о нем можно рассказать. В конце 60-х годов анекдоты о Ленине уже были в ходу: интеллигенция переставала глубокомысленно рассуждать об “извращении Ленина” (чем занимался и автор этих строк в начале 60-х годов). Наоборот, поверженный идол превратился в предмет насмешек.

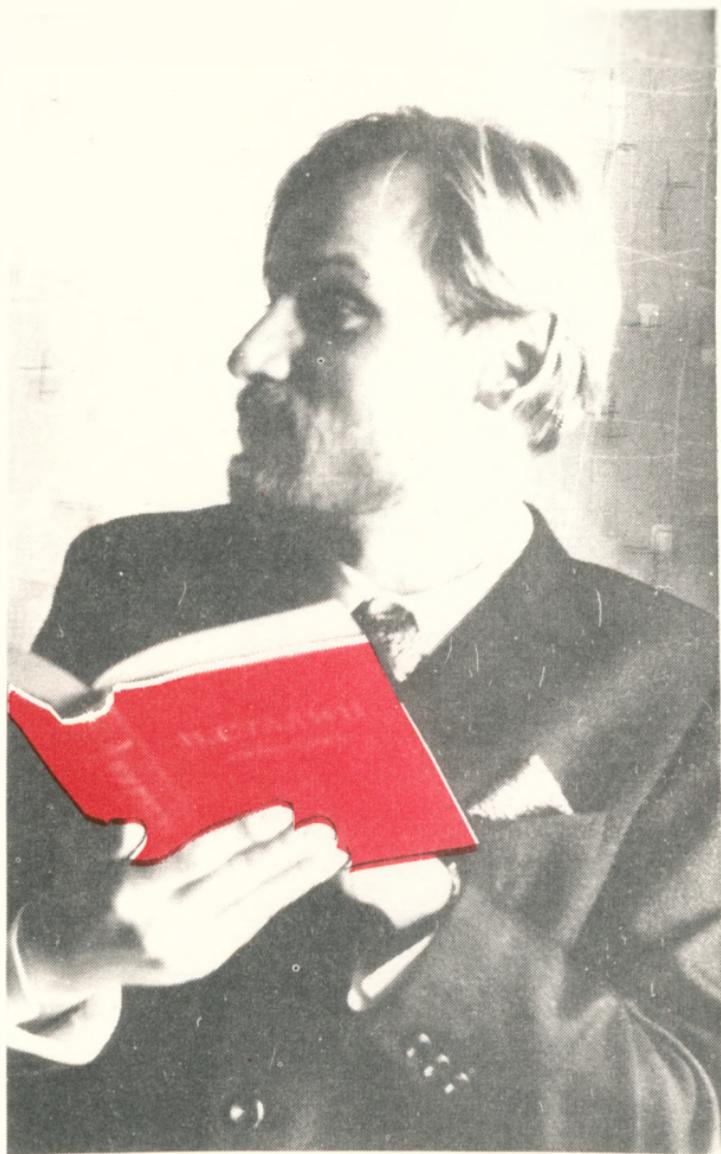
В начале 1970 года мне пришлось повести знакомого ребенка в мавзолей Ленина в Москве. Выходил я оттуда столь же ошеломленным, как позднее и Ваня Чмотанов в “Смуте”: в саркофаге лежал если не миллион, то все-таки сюжет. — замечательно острый, в мгновение ока разраставшийся в повесть-памфлет.

Я рассказал о проекте Иксу (хотя с некоторых пор он находится в безопасности, однако просит не называть его имени. — может быть, потому, что участие в написании “Смуты” было его первым и, вероятно, последним прикосновением к литературе).

Последовавшую за тем устную разработку сюжета я вспоминаю, как одно из лучших времен в моей жизни: неожиданный поворот темы — а они следовали один за другим — вызывал новый приступ смеха. Мы хохотали до слез, задыхаясь, вполне “держась за животики”. О, годы молодости! — скажу я сейчас не без грусти, — сколь близким казалось падение нелепого государства, и как мы предвкушали свободу — и мы оказались в свободе, пока писалась “Смута” — еще до всяких откровенных конфликтов с режимом, до эмиграции.

* Les troubles des temps actuels, ou les étonnantes aventures de Vanja Tchmotanov. La Quinzaine littéraire, P., 1972

СМОТРИ НА ОБОРОТЕ

*Н. БОКОВ В МОСКВЕ
ЗА ИЗУЧЕНИЕМ ТРУДОВ
И. СТАЛИНА*

Смута новейшего времени

ИЛИ

Удивительные
похождения
Вани Чмотанова

Editions La Presse Libre
PARIS

Смута новейшего времени

или

Удивительные похождения

Вани Чмотанова

Рисунки ДИМ'а

Как думаешь, чем кончится тревога?

.

*Слышал ли ты когда,
Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно...?*

А. Пушкин. «Борис Годунов».

ПОЧТИ неприметный пассажир ехал в пригородном поезде, установив в ногах кожаный чемоданчик на молнии, крепко сжимая его пятками. Это был Ваня Чмотанов. Именно он — автор событий, потрясших весь цивилизованный мир в 197...

Поезд шел в город Голоколамск. Пассажиров было не густо. Привычно клевали носами, просыпались, зевали и оглядывали местность, засыпанную февральским снегом.

Многие вздрогнули, когда двери в вагон отворились и вошли контролеры, щелкая компостерами.

— Ваши билеты! — сказал толстый добродушный ревизор с пшеничными усами. Второй был тощ, с туберкулезным лицом. Он гнал перед собой безбилетницу лет пятидесяти. Она доказывала, что не могла успеть взять билета. Тощий молча подталкивал ее в спину щипчиками.

Холодок прополз в животах пассажиров. Проверка каких-никаких, а документов.

Билета не было у Вани Чмотанова. Он на мгновение смутился, но вспомнил о множестве бумажников в карманах пальто, приготовился выслушать негодование общественности и отдать трешку. Неожиданно идея осенила Ваню. Он расстегнул молнию на чемодане и, глядя в голубые глаза толстяка-ревизора, поманил его пальцем.

Ревизор надменно поджал губы. Ладно, он получит рубль, но не теряя собственного достоинства, — и нагнулся к Ване. Чмотанов открыл крышку. На толстом слое ваты, охваченная смертным сном, лежала... голова. Черты лица головы были знакомы до боли. Бородака, острые скулы, огромный покатый лоб и обширная лысина. Ваня нагло рассмеялся.

Ревизор чмокнул губами и закачался. На миг лицо его посинело, как от удущья, щеки прыснули щетиной.

— Вот так билетик... — прошептал он и пробил себе компостером ноздрю. Шатаясь, толстяк пошел навстречу тощему, обнял за плечи и с нечеловеческой силой повлек из вагона. Тощий безучастно подчинился.

Ваня застегнул чемодан, глянул в окно и отдался потоку воспоминаний. Казалось, прошло сто лет, а ведь еще утром...

В юности Ваня Чмотанов учился в хлебопекарном техникуме. Занимался хорошо, учителя не могли нахвалиться. Конечно, стипендии не хватало, Ваня кое-как сводил концы с концами. Перед защитой диплома Ваня практиковался на Опытном-показательном хлебозаводе-полуавтомате им. Урицкого. Неожиданно он догадался, как можно улучшить положение с продовольствием. Каждый вечер привозили контейнеры с дрожжами в картонных коробках. Каждое утро Ваня выносил под платьем смятое в лепешку нежное светлокоричневое вещество. Теплый запах дрожжей окружал Ваню, но отравленные самогоном вахтеры (они варили его «на конус» тут же, в своей будке, переделав электропечь «Чудесницу») не слышали духа выносимого продукта.

Однажды «Чудесница» сломалась. Вахтеры стояли трезвые и злые, и наивному обогащению Вани пришел конец.

— Что-то, как у бабы раздуло! — Сказал вахтер, ткнув Ваню в непомерный бюст. Вмятина от кулака так и осталась.

— Мускулы! Я спортсмен! — холодея, прокричал Чмотанов, но с него сорвали уже пальто и потрошили разорванную рубашку. Выбрали дрожжей 74 килограмма 250 граммов и бублик.

Бублик вызвал особое негодование суда и публики.

— Мало народных дрожжей подсудимому! — Гремел прокурор. — Ему бублички подавай! Работать — его нет, а на сладкое тянет! — Он с возмущением тыкал пальцем в бублик, подшитый к делу в качестве вещественного доказательства.

Судей поразило то, что до неприличия походил Ваня на молодого Владимира Ульянова. Все видели татаро-монгольский разрез глаз, скулы, пушистые ресницы, — удивительный образ того, великого, который пошел другим путем. Чмотанову этого простить не могли, но никто не высказал вслух и намека. Ваня получил десять лет.

В лагере Ваня прошел свои университеты.

Каждый праздник с его помощью готовили живую картину: строили из смолистых бревен подобие броневика, Ване взамен рваного ватника выдавали из реквизита КВЧ старомодное пальто и кепи, и ставили на бревна, приказав вытянуть руку в сторону полей и лесов за проволокой. Развевался кумач, прожектор с ближней вышки выхватывал вдохновенное лицо Вани-Ильича; администрация запевала любимые песни вождя.

Урки добродушно, но тихо гоготали, подталкивая друг друга, а по окончании торжества обучали Ваню своим наукам. Искреннее восхищение Ваниных соратников по бараку вызывали его пальцы: длинные, стройные, с выпуклыми миндалевидными ногтями.

— Хорошо работать будет, Ваня. С такими пальчиками пояс снять и одеть — не заметят, не то, что бублик.

Чмотанов вышел в полсрока, но сел снова года через три: пытался вынуть бумажник у посла иностранной державы, когда тот любовался в Третьяковке «Троицей» Рублева.

Итак, февральским днем 197... года Ваня работал в очередях в ГУМе, где выбросили импортные подтяжки и собралась чудовищная толпа, захваченная единственной страстью: дойти до прилавка и получить свою пару небесного цвета с блестящими стальными пряжками. Ваня взял тринадцать бумажников и решил устроить обеденный перерыв. Ел он долго, не торопясь на верхнем этаже гостиницы «Москва». Затем Ваня вышел пройтись и был привлечен огромной очередью, тянувшейся из Александровского сада. Чмотанов побродил, подыскивая клиента, но публика двигалась небогатая, лучше сказать, бедная. Он продвинулся вперед по очереди и поработал с появившимся прибалтом. И спохватился: саншком уж близко подошел к гранитному кубу, и выйти сейчас — значит, привлечь ненужное внимание. Мысленно выругавшись, Ваня побред со всеми.

— Подождемся к черте! — командовал старшина милиции. — Строго по два! Строго по два! — Ваня поежился. «Точно в санпропускник идем», — огорчился он.

— Правее подождемся!

Прямым углом очередь повернула к дверям мавзолея и сняла шапки. Тихо вошли в полумрак, откашлялись и спускались вниз.

— Не отстаем! Не останавливаемся! Строго по два! — Негромко предупреждал офицер с голубой повязкой на рукаве. Пройдя два пролета, Ваня повернул направо и стал подниматься по лестнице. Розовый свет лился из стеклянного ящика, сверху громоздилась чугунная пирамидка, повторяющая очертаниями мавзолеей. Стекланные боковины украшали гербы и флаги литого чугуна. Внутри в красноватом свете лежал Он. Невольно замедляли шаги граждане, но офицеры молчаливо отступали подальше от гранитного барьера к стене, торопили проходить и делали знаки друг другу, поднимая два пальца.

...Он лежал в темнооливковом френче, в той же позе и с тем же выражением усталости, с каким его застала смерть.

— Скорее пройдем! — бормотала охрана.

«Человек двенадцать стерегут, не меньше», — подумал Ваня. Выходя наверх по лестнице, он заметил портьерки и желтые латунные двери. Отделившись от потока, бегом поднимавшегося наверх, потрясенного не столько образом Его и пережитыми чувствами, сколько молниеносностью посещения, Ваня шагнул за портьерку и стал там, никем не заме-

ченный. Он еще не понял, зачем ему это понадобилось. На всякий случай проверил, заметят ли. Не заметили. Ваня быстро вышел и смешался со всеми.

Идя вдоль кремлевской стены, Ваня осознал, что за идея неожиданно оформилась в голове.

Под стеклом лежали миллионы...

Рокфеллер, в газетах пишут, коллекционирует мумии голов узников Бухенвальда, — размышлял Ваня. — И платит за них сотни тысяч в валюте. Купить домик с огородиком на Кавказе. Жениться на Маняше. Сотни тысяч за голову безвестного каторжника, миллиарды — за голову гениального зодчего. Миллиардов 40 дадут, а то и 200.

★ ★ ★

На другой день Ваня подходил к удивительному по простоте линий сооружению, но вместе с тем и величественному, за дверями которого лежали все капиталы Америки и Африки, вместе взятые. При Ване было: нож, хирургическая пилка, пластмассовый баллончик со сжатым сонным газом (за недорого отдали на Минаевской толкучке), превосходный набор отмычек для банковских операций, электроминиоискатель и то, что за границей называется вдохновением.

Чувствуя себя необыкновенно ловким и сильным, Чмотанов мягко ступал последним.

Офицер отвернулся посмотреть, не остался ли кто в гранитном тамбуре. Ваня скользнул к саркофагу. Безмолвные часовые, стоявшие по углам, как прежде заметил Ваня, спали, дыша ровно и не мигая. За одного из них Чмотанов и спрятался.

Офицер проверил пломбу в поддоне саркофага. Словно рысь, следил за ним вор века. Дежурный снял чехол с телефона и набрал номер.

— Алле, алле. Жорик? Это я, Шолкин. Закруглился. Все в порядке. Что-что? Ха-ха. Волосы в бороде! Вот будешь завтра дежурить, тогда и считай. Ха-ха. Пока.

Потом офицер снова позвонил.

— Позовите Нинель, Алле, Нинель? Здравствуй, дусик. Еду к тебе, моя девочка. С работы звоню. Порядок. Все ушли, один я остался. В Оперетту? Очень мило. А потом к тебе? Еду. Пока.

Офицер зевнул и, воткнув штепсель сторожевой системы, вышел в желтую латунную дверь.

Чмотанов зашевелился, подкрался к розетке и выключил иностранные хитрости. Поудобнее устроился рядом с телефонным столиком за портяжкой и отдался потоку мыслей о будущем.

Сменялись караулы, топя сапогами. Негромко командовал разводящий.

Пробило полночь.

Час ночи.

Два.

— Кось! — сказал наружный часовой. В подземелье голос солдата раскатывался, как в бочке. Чмотанов замер.

— А? — вполголоса отвечали.

— Злодей этот Шолкин.

— Злодей. — Согласился второй.

— Ты, говорит, если еще хоть раз пропустишь политинформацию, — всю зиму в наружке простишь. Через час, говорит, стоять будешь.

— В декабре я нос из-за него отморозил — три часа стоял через час. Градусов 30 было.

— Это он любит.

— Ох-хо-хо, скоро ли пересменка?

— Три четверти пробило.

Ровно в три часа ночи Чмотанов натянул респиратор и открыл баллончик с сонным газом. В склепе зашипело. Часовой сон превратился в наркотический.

Пробило четверть четвертого.

Чмотанов встал и подумал: «Размяться бы». Он залез на саркофаг, сделал на руках стойку и походил немного. Затем спрыгнул и быстро сорвал plombу. Осмотрев замок, Ваня коротко хохотнул. Вместо замка под трехбородочный японский ключ вор века обнаружил обычный замочек от канцелярского стола. — Средств не было! — хихикал расшититель, отпирая замок булавкой. Он поднял стеклянный верх на петлях, словно кузов автомобиля, и залез на ложе. Став рядом с Ильичем на колени, Ваня вынул пилу. Осторожно, как мину, приподнял он голову с надежного места и... голова осталась у него в руках. Положив ее рядом с собой, Ваня лихорадочно, словно золотоискатель, сунул руку в отверстие, прикрывавшееся головой, и нащупал что-то комковатое.

Он вытащил горсть обыкновенной пробковой крошки.

— Это как же так... — Ошеломленно сказал Ваня. На глаза навернулись слезы. Он схватился за кисти рук, будто утопающий, и они, твердые и холодные, как железо, отвалились — из рукавов посыпалась толченная пробка.

Страшный гнев охватил Ваню Чмотанова. Невидящим взором оглянулся он вокруг, — сломать, разбить! Так подло обмануть его!

Донесся отрезвляющий бой курантов. Осталось полчаса до смены караула. Ваня завернул голову в тряпицу и сунул за пазуху. Спрятал под платье не понадобившийся инструмент, закрыл крышку саркофага.

Тоска душила Ваню. Он подошел к сопевшему часовому и толкнул его кулаком в живот.

— Чаво? — спросил часовой. Он стоял смиренно и, не мигая, глядел на Ваню.

— Плохо служишь! Побывали здесь до меня.

— Так точно, товарищ капитан.

— Завтра под суд пойдешь.

— Служу Советскому Союзу. — Прохрипел часовой и засвистел носом.

Чмотанов поднялся по лестнице, тихонько потянул на себя стылую бронзу двери. В узкую щель Ваня увидел заиндевелую брусчатку площадки. Гудели прожектора. В косой тени стоял часовой — вольно, чуть пристукивая каблук о каблук.

»Ишь, распустились, — с неожиданной злобой подумал Ваня. Четвертый час ночи — они и рады, что никто не видит. Ишь встал, будто семечки покупает!»

Ваня достал из кармана кепку с большим козырьком, нахлобучил на уши, поднял воротник.

...Часовые остолбенели. Из черного проема двери, бочком, протиснулся Владимир Ильич. Щурясь от резкого света, он искоса снизу взглянул на лицо белобрысого солдата и ловко подхватил выпавший из его рук карабин:

— Остожнее, товагищ! Дегжите погох сүхим.

Ильич вложил карабин в безвольную руку часового, осторожно потрогал пальцем лезвие плоского штыка и покачал головой:

— В наше время краснаогмейцы лучше относились к огужию. Сознайтесь, батенька, ведь штык туповат?

— Туповат, товарищ... Владимир Ильич, — выдохнул белобрысый. И позабыл, что надо дышать. Его товарищ, смуглый парень, закатив белки, медленно сползал, обтирая спиной стену из черного лабрадора.

— Вы из каких мест будете, товагищ? — остро глядя на белобрысого и ухватившись за лацканы пальто, спросил Чмотанов.

— Вологодские мы... — прохрипел часовой.

— Значит — шутить не любите! — резюмировал Ленин. — Тогда — прощайте. И помните — империалисты тоже шутить не любят. Так и пегедайте товагищам... — Ильич ловко взял под козырек и деловитой походкой зашагал вдоль трибун к Историческому музею.

— Очнись, дура! — пнул сапогом белобрысый своего напарника. Тот со стоном разлепил веки, поднялся, опираясь на карабин.

— Слышал, как я тут с Лениным разговаривал? — спросил вологодец. — Наказ его знаешь — все беречь и никому не отдавать...

— Докладывать будем? — простонал смуглый.

— Кому? Лейтенанту? Нос у него не дорос, ему докладывать... Я — Ленина видел, а он что? Пусть он на политзанятиях докладывает...

...Чмотанов подошел к Историческому музею. Отделившись от стены, к нему шагнул человек в штатском. Он заглянул Чмотанову в лицо, открыл рот — да так и застыл.

— Здагавствуйте, товагищ! — не вынимая рук из карманов, кивнул агенту Чмотанов и свернул за угол.

Агент, прирос к асфальту. «Докатился, — мелькнуло в его мгновенно вскипевшем мозгу. — Не зря баба пилит: не пей! Уже и Кузмичи мерещатся...».

★ ★ ★

Чмотанов миновал Лубянку, когда далеко-далеко куранты проиграли четыре часа ночи.

Простота похищения разочаровала Ваню. К чему все приготовления, если его изощренной изобретательности не предвидели хранители древности?

— В Египте потруднее было, — с обидой рассуждал Ваня. — Лезешь в усыпальницу к фараону и вдруг — хлоп! — плита позади падает. Или в лабиринт попадешь, рыдай, пока не сдохнешь...

Полный тоски и безучастности, Ваня выехал в Голоколамск к знакомой вдове, его верной подруге Маняше, чтобы отдохнуть и обдумать дальнейшее. Дело предстояло трудное. Снова Чмотанов почувствовал в душе разгорающуюся любовь к риску и удаче.

★ ★ ★

Караулы сменялись. Привычно печатая шаг, усыпленные Чмотановым люди дошли до казармы и повалились на нары.

Доступ, как обычно, начался в 11 часов. В Александровском саду

царила давка, но подходили к дверям тихие, благоговейно снимали шапки и парами шли мимо стеклянного ящика. Тихонько плакала старушка, мутно вглядываясь в бессмертный образ того, кто за десять дней потряс земной шар. Многие, не видя лица, полагали, что так и должно быть. Другие мысленно дорисовывали недостающие дорогие черты.

— Не останавливаемся. Пройдем скорее. — Командовал дежурный офицер Жорик.

Последней в этот день вошла супружеская чета. Должно быть, приехали они из провинции. Одеты были оба в старомодные китайские плащи из крашеного брезента.

— Скорее! — Предупредил Жорик. Они ринулись вниз, подчиняясь команде. Чета разлетелась и ударилась лбами в дверь листовой латуни. Дверь запела, словно уронили гитару.

— Тихо! — Грубо сказал Жорик.

Трепеща, чета взошла на смотровую площадку и, щурясь после белоснежной площади, приглядывалась к мумии.

— Паш! — Спросила жена шепотом. — У него почему головы нет?

— Тихо, дура! — Супруг напряженно оглядел ложе. Самой существенной части тела действительно не было. Пот хлынул ручьями по спине супруга. Он увидел, что лежит целых три головы, потом их стало шесть, и головы, размножившись, заполнили целиком стеклянную коробку, словно кузов машины, груженной навалом капусты.

— Черт! — Глухо крикнул супруг.

— Черт!

Он качнулся и ударился головой об острый край гранитного парапета.

— Паша! — Закричала женщина и упала рядом с ним на колени. — Паша, прости меня! Ну, закатилась куда-нибудь, всякое бывает!

— Посетителю плохо. Нашатырь. — Скомандовал Жорик, подготовленный ко всем случаям в жизни.

— Не беспокойтесь, мадам, — нарушая устав, офицер взял под руку обезумевшую от горя женщину. — Вашему мужу окажут необходимую помощь.

— Ну, вот, ни объявления, ничего... Всплиывала женщина. — Лежит безголовый, а у меня муж нервный, контуженный, инвалид второй группы... В сто лет раз в Москву приедешь, дороги не знаем, ничего не знаем...

— Кто безголовый? — ледяным тоном спросил Жорик.

— Безголовый, безголовый! — зарыдала женщина, тыкая пальцем в сторону саркофага. Жорик оглянулся. Неожиданная слепота затмила взгляд. Он обежал вниз и, приподнявшись на цыпочках, прижался носом к стеклу.

Красноватый свет. Френч. Ботинки. Все по уставу. Протер глаза. Головы... не было. «Как поступает настоящий офицер на моем месте?» — подумал очень медленно Жорик. Он вынул пистолет и вложил кислую сталь в рот.

— Товарищ капитан... умер товарищ ,наверное.

Грохот выстрела потряс благоговейную тишину. По стеклянному торцу опустевшего саркофага, трепеща кусочками холода, с мелкими прожилками сосудов, сползли мозги дежурного офицера.

В эту ночь Правительство не расходилось. Гарнизон развели и посадили под замок. Составили список лиц, допущенных к чрезвычайной государственной тайне. К столице были подтянуты танковые дивизии. Улицы и общественные места патрулировались агентами в штатском и переодетыми солдатами.

Ждали возникновения враждебных слухов и приготовились брать всех.

Совещались,

Словно угроза черной оспы нависла над городом. В пижаме и ночном колпаке привезли академика Збарского.

Совещались.

Генеральный секретарь плакал, как ребенок, размазывая краску с бровей. Плакали все. Никто не знал, что делать. Подсказать было никому. До начала работы мавзолея оставалось около полусуток.

— Так быстро реконструировать невозможно... — сказал оправившийся от приступа ужаса Збарский. — Если постараться... месяцев за шесть... сможем!

— Полгода! — застонало Политбюро.
Гениальное всегда просто.

— Знаете ли, — сказал Генеральный секретарь. — Актера положим на время.

— Ура! — закричали в интимном кругу.

— Привезти актера Роберта Кривокорытова! — распорядился Начальник искусств.

Через полчаса актера доставили, — дрожащего, с подтеком под глазом.

— Фингал откудова? — раздраженно спросили допущенные к тайне.

— Сопротивлялся гражданин! — чеканил агент. — Кричал, что не имеем права.

— Черт вас дерит! Чисто ни одного задания выполнить не можете! — кричал Начальник искусств. — Загримировать Кривокорытова!

Актер что-то бормотал и вырывался. Его почти унесли и... ввели вско-ре пожилого и растерянного Ильича.

— Годится! — сказали все.

— Роберт! — мягко, по-отечески начал Генеральный Секретарь, взяв из рук референта текст речи. — Вам выпала трудная, ответственная, но почетная, благородная задача. Дело в том, что тело Ильича взято... так сказать, на реставрацию... Но было бы неудобно и политически неверно прекратить доступ в мавзолей. Это прекрасная почва для слухов и враждебных домыслов...

«Неужто сперли Кузмича? — нервно подумал Кривокорытов. — Не может быть».

— ...Так вот, Роберт, вам придется полежать вместо праха. Справитесь ли? Сумеете ли воссоздать образ вечно живого Ильича, но вместе с тем и как бы неживого, то есть он, конечно, вечно живой, но в мавзоле он не совсем живой вечно живой, не так ли? На время работы переведем Вас на кремлевское снабжение.

— Нужно подумать, — сказал Кривокорытов и решил про себя: «Ясное дело, сперли».

— Да, системе Станиславского предстоит трудная проверка, но она выдержит, я уверен! Константин Сергеевич требовал, чтобы на сцене... все было, как в жизни... Но мавзолей лишь в определенном смысле сцена.. мне предстоит создать не совсем живой образ неживого... то есть, я хотел сказать, неживой образ вечно живого... или, точнее, живой образ не вечно... простите... вечно неживого!

Кривокорытов запутался и вспотел. На него в упор смотрели Начальники искусства и безопасности.

— Ну вот и прекрасно! — облегченно закончил Генеральный секретарь и кивнул Начальнику безопасности:

— Отберите у товарища актера подписку о невыезде, подписку о неразглашении, — и пусть обживает рабочее место...

Стояла чудная зимняя ночь. Около Спасской сопровождающие Кривокорытова лица отперли дверь в стене и долго спускались вниз по мраморной лестнице. Затем шли по узкому коридору под площадью и вновь начали подниматься. Яркое освещенная крышка люка поблескивала надписью: «Западный выход». Офицер открыл ее, и группа вылезла в мавзолей.

Суетились рабочие, откинув кузов саркофага, — проводили трубы микроклимата.

— Здесь, товарищ Кривокорытов! — рапортовал офицер охраны. Актер оглянулся. Тошнотворный приступ тоски морозил душу. «Боги, боги искусства, зачем вы покинули меня! Неужели лежать в гробу по системе Станиславского?» — внутренне стонал актер.

И лег репетировать.

Он сосредоточился, положил руки: левую — плашмя на грудь, правую — чуть сжав в кулак. Скорбно расслабил веки.

— Великолепно! — раздался по радио, спрятанному под подушкой, голос Начальника искусств. — Но уж слишком живой. Нельзя ли немножко умереть?

Приказывал Начальник.

Кривокорытов подчинился.

— Так держать!

Доступ в мавзолей начался в 11 утра.

В интимном кругу обсуждали, что делать.

— Не лучшая находка, этот Кривокорытов.

— Идея! — воскликнул Начальник искусств, бешено вращая глазами. Столпившись, выслушали проект. Смеялись и гладили себя по животам.

★ ★ ★

Ваня Чмотанов сошел в тихом Голоколамске. Душа его наслаждалась прекрасным зимним днем и покоем провинции.

Он прошел через город. Рядом с развалившейся церковью стоял аккуратный чистенький домик. Из трубы шел дым. «Нежданная радость — это я», — тщеславно подумал Чмотанов и свистнул. В окне мелькнуло лицо. Загремели засовом.

— Ванечка! — восклицала Маня. — Соколик мой необыкновенный!

Маняша была совершенно круглая по телосложению, курносая: она встречала друга в чудесной махровой кофте цвета весенней лягушки.

Они расцеловались в дверях.

— А я, дура, думаю: заловили моего соколика, давно не видать.

— Нет, Маняша, жив твой соколик, прилетел с миллионами.

Маня раскраснелась и с истинно голоколамской страстью впиалась в губы Чмотанова.

— Экий архипоцелуй, Маняша! — шутил Ваня, обвиваясь вокруг нее плечом.

Они сели за столом в передней избе под образами.

Выпив самогону, Чмотанов поцеловал подругу и сказал:

— Эх, заживем, Маняша, вскорости...

Кривокорытов трудился в поте лица. Первый день отлежал тяжело, но постепенно настолько освоился и так сосредоточился, что по окончании доступа приходилось будить его. Кривокорытова успокаивало еле слышимое шарканье толпы; поначалу тяжелы были уколы тысяч глаз, вливавшихся в бесконечно дорогие черты, но явилось второе дыханье. Догадались пустить по радио музыку. Роберт лежал с удовольствием, слушая медленное танго. Неустанно следили и за идейностью актера. «Сегодня я прочту лекцию на тему, — услышал однажды Роберт вкрадчивый голос, — почему не следует верить в Бога».

«Все люди смертны, — ласково говорили в наушниках, — и всем предстоит умереть. Но не совсем. Человек превращается в атомы и электроны, которые неисчерпаемы. Бессмертно также дело пролетариата, его диктатура. На давным-давно загнившем Западе полагают, что она постепенно смягчится! — доверительно сообщил лектор. — Этому не бывать! Диктатура установлена раз и навсегда и постепенно распространится на всю бесконечную вселенную. Лежите спокойно, Роберт».

По чьей-то невидимой просьбе им заинтересовались журналисты. Разумеется, расспрашивали и писали об официальной половине деятельности маститого актера, — в театре, дома, среди коллег. Слава Кривокорытова росла. Завистники распространили слух, что он подкуплен одним учреждением. Кривокорытов с негодованием отвечал стихотворением поэта, написанным по-новаторски — «от противного». «Да, я подкуплен. Я подкуплен березками белыми... я подкуплен глазами любимой...» Завистники смеялись: «Бэрзькой!» Но в наш век рационализма, смешавшего арифметику и поэзию, стихи эти подкупали искренностью чувства.

Однажды в середине марта Кривокорытов проснулся и принимал ванну. По актерской привычке он решил поупражняться перед зеркалом. Взглянул — и охнул: на лбу набух огромный фиолетовый прыщ. «А через три часа ложиться!» — сокрушался Роберт.

Он спешно вызвал примера, тот кое-как справился. Можно даже сказать, что теперь лицо поклонника «пассионаты» обогатилось печатью раздумий великого философа, мыслившего не понятиями, а континентами.

Кривокорытов не оценил нового штриха, а даже расстроился. Он шел по служебному подземному ходу в отвратительном расположении духа.

Но когда он лег и мимо пошли тысячи людей, он вновь преисполнился важностью задачи и поодобрел.

Все шло хорошо.

В подлень с последним ударом курантов Кривокорытов ощутил неудобство в левой ноздре. Постепенно осознал он причину. Невыстриженный волосок щекотал в носу. Тихо, но губительно, с каждым вздохом приближая страшное, Роберт собрал в кулак весь профессиональный опыт актера. О, если бы можно было почесать нос рукой. Ведь и раньше бывали подобные случаи. Роберт вспомнил, как нужно было зарыдать, когда положительная героиня в одной пьесе провалилась в сортир и утонула. И он закрыл лицо рукавом из бутафорского шелка и превратил гомерический смех в трогательный плач.

Волосок шевелился. Рүшились города, кричали женщины, свергались правительства, и весь земной шар объял огонь новой мировой войны.

Фокстрот по радио оборвался.

— Алле, алле, Кривокорытов! — раздался голос Начальника безопасности.

— Что это Вы задумали?

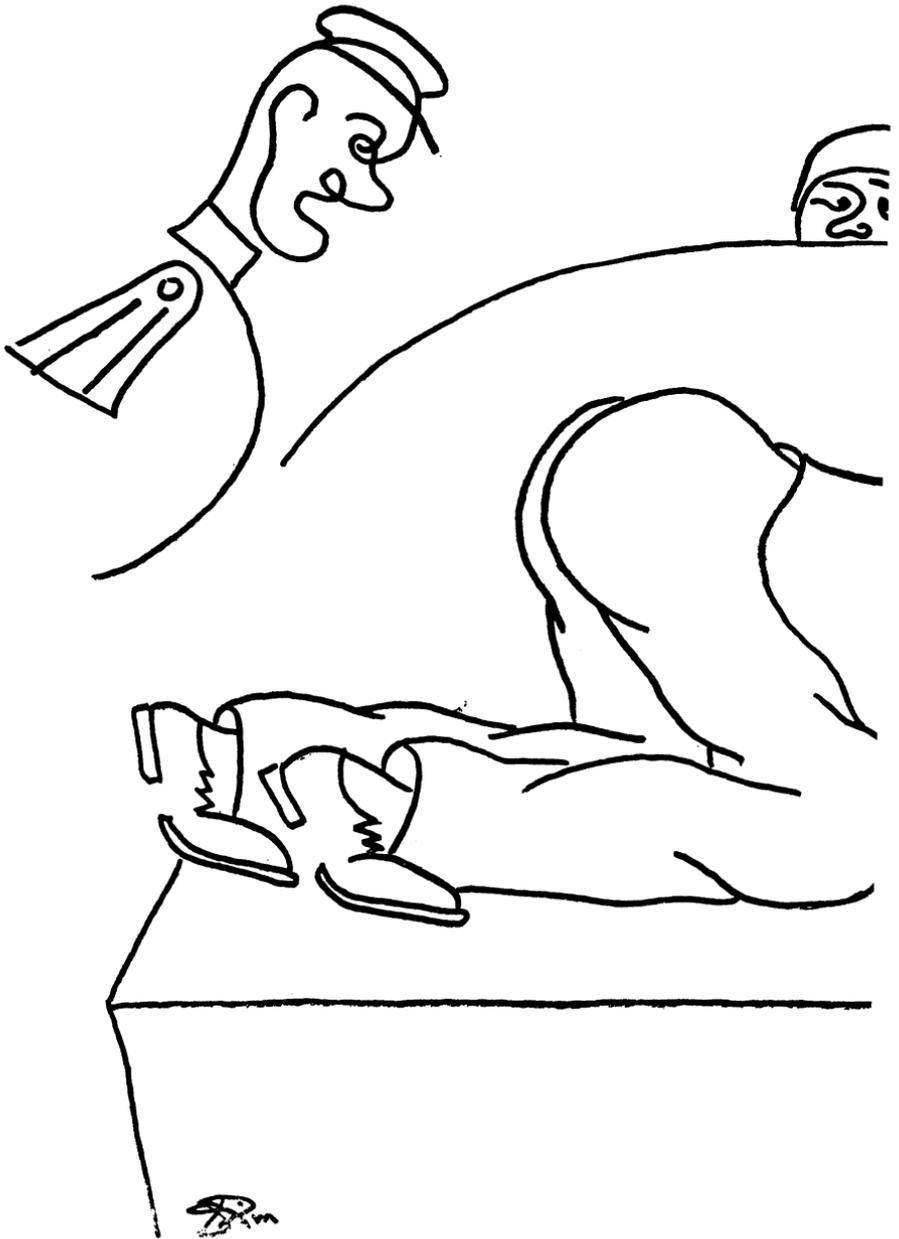
Кривокорытов напряг железную волю актера.

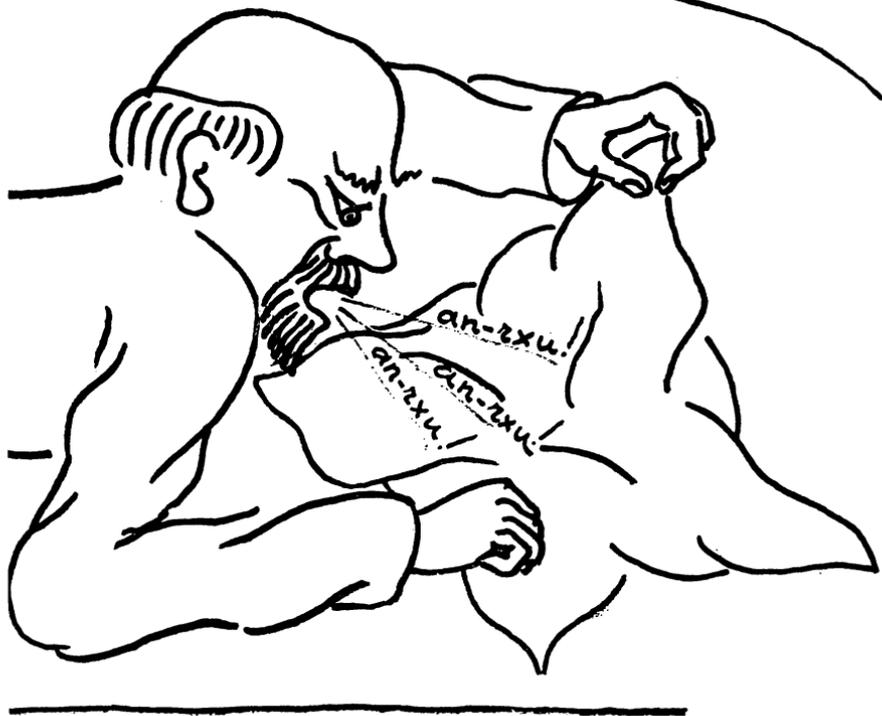
— Бросьте Вы эти штучки! — загремел Начальник, и неумолимо приблизился миг предательства Родины. В голове Кривокорытова помутилось, он раздүлся, как лягушка. Земной шар сошел со своей орбиты и неотвратимо падал на раскаленное солнце.

— Ап-чи!

— Я тебя расстреляю, собака! Продажная шкура! Фашист! — орал Начальник в подушке фальшивой мумии. Актер понял, что все кончено. С воем он вскочил на четвереньки, запрыгал, рыдая, под стеклом.

Ударившись головой о крышку, падая, Кривокорытов каблуком распорол перину, и гагачий пух затопил хрустальную гробницу. Актер бился в застекленном пространстве, словно гусь в пүхоципательной машине.

Оцепенение посетителей длилось вечность. Страшным ревом взорвались сошедшие с ума. Толпа бросилась к саркофагу.

— Воскрес! Воскрес!

— Задохнется!

— На помощь!

Чудесная весть, словно ток, пронизала очередь. Народные массы хлынули в склеп, повалив и растоптав охрану. Вмиг была сорвана крышка. Под вой и хихиканье сумасшедших, затравленно глядя, выпрямлялся Кривокорытов.

— Воскрес! — орали кругом и плакали, хватаясь за полы темнооливкового френча.

Офицер Шолкин побледнел и протискался в каморку с телефоном. Он отрапортовал о случившемся Генеральному секретарю и деловито, поглядев на часы, застрелился.

Охрана, залегшая под голубыми елями, встревожилась гулом и бегущей толпой.

— Наверное, мятеж. — Решил майор Разумный. Он долго пытался дозвониться до начальства. Никто не подходил к аппарату. Чувство одиночества сдавило сердце майора. Он подумал, что Кремль взят, вспомнил о своей ответственности и скомандовал:

— Рота! Рассеять мятежников!

Застучали пулеметы из-под елей. Стрельбу услышали на крыше ГУМа, на Спасской и Покровском соборе, и поддержали Разумного. Ударили крупнокалиберные, из древних бойниц со стены били из карабинов и автоматов.

★ ★ ★

Генеральный секретарь плакал, как мальчик, рвал телефон, вызывая с окраины танковую дивизию.

— Самозванец...! — кричал он и тер кулаками глаза. — Гад несчастный!

Дозвонившись к Слепцову, побежал по гулкому коридору, сзывая товарищей по классовой борьбе. Спотнулся, упал на ковер и втянул голову в плечи, решив, что сзади на него бросился десант мятежников. Но в коридорах никого не было. Бросился по лестнице. Распахнул неприкрытую дверь кабинета для совещаний. Выпучивая глаза, застыл: на окнах, прицепив ремни к защелкам фрамуг, висели Начальники искусства и безопасности.

— Караул! Убивают! — закричал Генеральный секретарь, отступая задом и не отрывая глаз от конвульсивно дергавшихся ног соучастников.

★ ★ ★

— Скажи! Слово скажи! — выла толпа.

«Сказать, что случайно здесь — убьют!» — вспыхнуло в мозгу Кривокорытова. Медленно, как во сне, поднял он правую руку, простер ее над толпой.

— Товарищи! — начал актер. — Да, я воскрес. Может быть, вгагам габочих и кгестьян это покажется вздогом, небылицей. Нет, воскресение меня отнюдь не опговегает учения Магкса. На том свете я часто мучался тем, что многого недовергшил, не пгедусмотгел. Как вы знаете, элэгктгон неисчерпаем. И атом тоже. Использовать все возможности, собрать все силы, — это задача, котогаая по плечу только тому, кто готов отдать все силы пголетагаиату. И вот я сгеди вас, догогие товагищи. Сообща мы одолеем все тгудности, всех бюоугкгагов!

Кривокорытов кончил, и в наступившей тишине отчетливо проступила пальба.

— Что это? — спросили в толпе.

— Кое-кому теперь не поздоровится! — раздался истерический крик.
— Мы не дадим в обиду нашего Ильича!

— Впегед, товагищи! — обрадованно воскликнул Кривокорытов.

Толпа хлынула к выходам.

Актер, пятясь, приподнял крышку служебного входа. Торопливо шагнул — мимо ступеньки — и с грохотом провалился в подземелье. Тяжелая лепешка чугуна, захлопнувшись, долго гудела над лежащим в беспомощности самозванцем.

★ ★ ★

Генерал Глухих сразу разгадал маневр генерала Слепцова, двинувшего танки в столицу. «Ага! Вот тебе и хунта! Врешь, не проедешь!» — подумал он, но позвонил на всякий случай Слепцову.

— Что-то ты поехал. Григорий Борисыч, — медовым голосом спросил он.

— Генсек приказал, — уклончиво ответил Слепцов.

— А мне вот почему-то не приказал! — радостно засмеялся Глухих.
— Значит, не та фигура...

— Да? Ну, будь здоров, Григорий Борисыч.

Глухих выдвинул фланги и ударил на дивизию Слепцова, охватывая ее с северо-востока и юго-запада. Завязался тяжелый, изматывающий бой.

— Пекин дайте! Пекин! — кричал Генеральный секретарь в белый правительственный телефон.

— Соединяю, — безучастно отозвалась телефонистка.

— Алле! Это кто?

— Сяо-сяо? Фай дунь фо?

— Это я, Москва! Фео жень чин чи!

— Кто говорит?

— Москва, Генеральный секретарь! Дайте председателя Мао!

— Председатель занят. Звоните на другой неделе.

— Нельзя! У меня тут государственный переворот!

В трубке затихли. Слышны были посторонние разговоры и споры по-китайски.

— У вас пелеволот? — отозвались из Пекина.

— Да!

— Плосили пеледаты: так вам и надо. — И в трубке шелкнуло.

— Предатели! — взвился Генеральный секретарь. — Все предали! Все пропало!

Он оторвал трубку и топтал телефонный аппарат.

Бросился вон.

«К Ульбрихту!» — стучало в висках.

★ ★ ★

Ваня Чмотанов, кряхтя и зевая, просыпался рядом с Маней на жаркой перине. Натоплено было ужасно, во рту еле шевелился язык, высушенный самогоном. Он слез с кровати и босой вышел в сени. На лавке стоял заботливо приготовленный ковш с ледяным огуречным рассолом.

— Хорошо! — ухнул Ваня, выпил — и схватился за щеку. Чудовищно заныл зуб.

Встала подруга и готовила самоварчик.

— Мань, — оглядывался Ваня, — а чемоданчик где мой?

— Чемоданчик-то? Помню, помню, спрятала... вон на печке-то, под валенками пошарь.

— Забыл сказать, Мань, чтоб наоборот на холод вынесла. Как бы не запахло...

— А что в нем-то?

— Сувенир, Маняша, стомиллиардный.

Ваня залез на печку, разгреб кучу подшитых валенок и луковой шелухи. И спрыгнул с чемоданчиком.

— Гляди, Маняш.

Молния заела. Ваня долго дергал. Маня смотрела выжидающе. Наконец, она заглянула. И обомлела. В чемодане на вате лежал череп. Ваня смотрел тупо. Маня перекрестилась.

— Так, как... — прохрипел Чмотанов. — Вот, значит, какой прах бывает...

В желтоватую корку, окружавшую череп, встыли щетинки. В глазнице лежал некрашенный деревянный глаз. Тоскливо торчал фаянсовый носик от чайника. Ваня вытащил гофрированное картонное ухо.

— Мощи, значит... Вот те и миллиарды, Манюшка...

— Вань! — тревожилась подруга. — Или по кладбищам шарить?

— Да-а, святыня. — Он вынул череп и бессмысленно вертел в руках. И в затылке увидел аккуратную дырочку.

— Это как же?.. То есть, конечно, стреляли... Только вроде бы не сюда...

Ваня расстроился. Зуб разболелся сильнее.

— Налей, Манюш, стопку. Что же это.

Чмотанов выпил и сидел долго, задумчиво хлопая челюстью черепа на пружинках.

— Темное дело, история, Маня. Что там, зачем — непонятно нам.

В дверь постучали. Ваня скрыл череп одеялом, глянул в окно. У крыльца топтался Аркаша, дружок верный.

— Открой, Мань.

Друзья обнялись и выпили. Горчило во рту, не столько во рту — на сердце.

«Опять по карманам», — с досадой думал Ваня. Но прислушался к рассказу Аркашки.

— Да мы, Вань, через чердак пойдем. Я смотрел, доска одна ходит, вынуть и вниз. Ты не думай, дело верное. И на Кавказ. А попозже Маньку выпишем.

— Это мы обдумаем, Аркаша. Налей-ка, Мань. — И крякнул. — Ох! Зуб дернуло!

— Дай-ка платком перевяжу, — засуетилась Маня. — Спиртом полощи, уймется...

Друзья пошли осматривать местность — работать или нет в сберкассе.

— Ванюшка! — окликнула Маня вслед. — А ... с костью что делать-то?

— А! — махнул рукой Чмотанов. — На печку сунь.

Несмотря на будний день, улицы Голоколамска на глазах закипали возбужденной толпой. Милиция жалась к отделению, неуверенно прикрикивая издали:

— Шли б работать, чего языками трепать!

— И тут встал он и говорит: хватит народ притеснять! Одних буржуев, говорит, скинули, теперь вы, говорит, на шею сели.

— Точно, точно. Чтоб, говорит, всех министров к завтраму в слесаря отдать.

— Так что ж, воскрес, значит? А в Бога-то не верил!

— Дурак! Он-то, афей, десяти праведников стоит! — сказал лучший плотник города.

— Ну, Томка, а дальше что?

— Ну, тут все начальство и убежало. Главные, говорят, в Америку на танке уехали.

— Через море-то? — скептически сказал лектор по распространению знаний Босяков.

— У них все есть, не беспокойся. А потом говорит: всем по 200 рублей оклад, мануфактуры по десять метров, квартиры всем выправить. Чтоб, говорит, населению никакого гнету. И пусть, говорит, неп будет полный.

— А еще проводник говорил, будто насчет водки распорядился.

— В первую очередь. Чтоб, говорит, снова старые деньги были и чтоб поллитровка пять рублей стоила. Полтинник на новые.

— Чудесное дело!

— А военные тут и задумали: танки на него выкатили. А он идет и улыбается. Махнул рукой раз — половины танков и нету, махнул другой — глядь, а один генерал уже с другим бьется. Во как!

— А он?

— Распорядился он и пошел по Рассее смотреть, как народ живет. В скором времени вернётся, говорит, вплотную делами займусь.

— Все это сплетни и враждебные слухи, — разъяснял лектор Босяков. — Как это может воскреснуть мумия?

— Это кто мумя?! — всполошились бабы. — Это для тебя мумя! Отъел брюхо-то, народ дурачишь. А в магазин пойдешь — мыло да консервы. Сам-то за пальтом в Москву едешь, а нам некогда, работаем! Ишь, расфуфырился! Ужо объявится у нас, то-то тебе работу подыщет!

— Иди-ка, парень, — сказал лектору мужик в телогрейке. — За такие слова зубы ломают.

— А я что? — смутился распространитель, поправляя кашне и пыховую шапку. — Только по всем законам физики такого быть не может.

— А по какой физике в магазине колбасы нету? — насел мужик. — «Все знаю, знаю», — передразнил он. — Чего же ты не знаешь?

Подошедшие толпились вокруг лектора, потихоньку потыкивая его кулаками под ребра.

— Милиция! — истошно заорал распространитель знаний. — Убивают!

Тут все и началось.

Навстречу трем испуганным милиционерам бросилась людская стоножка. Смертельно побледнели блюстители и побежали к огородам.

★ ★ ★

Председатель горсовета Члеников, промахиваясь дрожащим пальцем, звонил в воинскую часть.

— Кто это? Снегирев? Ты-то мне и нужен. Пришли батальон, черт-что в городе происходит.

— Не могу, — сказал Снегирев, — в баню идем.

— Какая к черту баня?! Бунтуют у меня!

— Ну и что? — злорадно сказал Снегирев. — Помнишь, я машину тесу у тебя просил, ты мне что сказал? А?

— Снегирев! Я жаловаться буду! Я до обкома дойду! Нет у меня тесу!

— А у меня солдаты тоже люди.

— Снегирев, пойми, нет у меня теса, нет!.. Ну, ладно, дам я тебе два кубометра!

С треском вылетела дверь в кабинете и сшибла Членикова на пол. Из окон исполкома полетели стулья и пишущие машинки. Вслед

за ними, вздымая снежную пыль, попадали депутаты трудящихся. В пробежавших по переулку товарищах в нижнем белье с восторгом признали начальника милиции и первого секретаря горкома.

Рассеяв власть, жители бросились к магазинам. Ваня и Аркаша хохотали, любуясь упразднением порядка: стихия была друзьям по сердцу.

И вдруг толпу, мчавшую мимо похитителя головы, повело, и она замерла, уставившись на Ваню и Аркашу.

Оба смутились.

Город смотрел и видел бессмертные дорогие черты того, кто поднял Россию на дыбы.

— Он! — истерически закричала учительница начальных классов. — И щека перевязана, чтобы не схватили ищейки!

Буря оваций грянула на площади перед сельпо. Раздались крики: «Ильич с нами!».

— Аркаша, пора уходить.

— Затопчут, Вань. Речь скажи для виду.

Ваня залез на пивную бочку. Говорить речи ему часто не приходилось, всего дважды в качестве последнего слова.

— Товарищи! — загремел его могучий голос. — Да, я воскрес. Пора навести порядок...

(«Картавь, картавь, Ванька, затопчут!» — шипел Аркаша).

...И мы наведем погыдок. Наш габочий погыдок. К четгу милицию и прокуратугу! Долой следственные ог'ганы! Мы можем жить без надсмотрщиков. И будем жить без них, дагмоедов.

— А вытрезвиловки закроем, Владимир Ильич?

— Конечно!

—А водка точно дешевле будет?

— 50 копеек бутылка.

— Ура-а-а! — гремела площадь, спугивая галок и голубей.

Так в резолюции, составленной Аркашей, и записали.

К вечеру на ногах никто не стоял. Воспользовавшись новым положением дел, Ваня и Аркаша (теперь комиссар по иностранным делам) проникли в сберкасу и вышли с чемоданом купюр.

Неделю торжествовали. Ваня подписал множество декретов, один другого вольготнее. Трое местных интеллигентов подсунули декрет о свободе печати. Чмотанов подмахнул. «Голоколамская правда» вышла с новым названием «Ленинская правда», с огромным объявлением «Ильич с нами!» и большим портретом Вани Чмотанова.

Съели месячный запас продуктов. На Ваню легло бремя власти. Робкие, постучались к нему первые ходоки.

— Тово, Володимер Ильич, распорядились бы, чтоб пища была. Бедствуем мы немного. Хлеб сырой, консервы... Нельзя ли насчет картофлю.

Ваня открыл партраспределитель и кормил город еще неделю. Кончились табак и водка. Скрыто начало зреть народное возмущение.

★ ★ ★

Тяжелый бой измотал Слепцова и Глухих. Генералы, равные по вышке, образованию и броневой мощи, не могли одолеть друг друга. В дивизиях нашлись герои, бросавшиеся под танки противника с гранатой.

Лес горел. Местное население ушло в партизаны. Москва молчала. Генералы бросили в бой последние резервы.

★ ★ ★

Горечь и раздражение накапливались в Ванином сердце.

— Побеспокоил прах-то, вот он меня и берedit, — думал Чмотанов. — Кто же это мог быть? Раз с дырочкой — значит не Ленин, Дзержинский бы этого не допустил... Неизвестный вождь?

Остатки праха Ваня сунул в кожаный чемоданчик и, не предупредив охрану, ушел из дому.

Чемоданчик жег, оттягивал руку. Ваня вышел на торговую площадь. Ларьки, лабазы... Двое шагнули навстречу — в дрожащих руках зажаты смятые рублевки, глаза бессмысленные:

— Третьим будешь?

«Не узнают...»

Ваня кивнул.

Пиши из горлышка, нюхали корочку, отплевывались. Ванины собутельники ожили, стали веселее.

— Халтурить? — ослабилась один, тыча пальцем в чемодан.

— Раскрой, посмотрим, — гаркнул третий, протягивая лапищу к ручке.

— Идите вы к...! — Ваня подхватил чемоданчик и зашагал по незнакомой улице. Двое тащились сзади, грозились, улюлюкали.

Ваня сворачивал за углы, торопился и незаметно оказался в поле. Сукроватые телеграфные столбы тянулись под гору, гудели провода. Двое не отставали. По твердому насту Ваня выбрался на косогор, спустился в балочку.

Дальше Ваня помнил все очень смутно.

Он побывал в одной деревне, в другой. Оглядывался — сзади все время кто-то шел — и Чмотанов устремлялся дальше. Во рту горело.

«Самогон пили, не водку, — тупо подумал Ваня. — Жуть».

Вечерело, когда он обнаружил, что сидит на смерзшейся горке земли. Вокруг — вкривь и вкось деревянные кресты. У ног — неглубокая яма, головешки. На дне ржавая лопата. Ваня шагнул в могилу и начал копать. Поначалу ему казалось, что надо выкопать клад. Потом Ваня осознал, что он сидит на краю ямы, держа в руках столичную свою добычу.

— Бедный, бедный! — причитал Чмотанов. Он встал на колени, из угла могилы выкатился еще череп другой, третий...

— И в каждом — дырочка... — коснеющим языком констатировал Чмотанов, рассматривая черепа.

Столичный прах затерялся среди прочих.

Над всеми ними Ваня насыпал маленький холмик.

Затем он шел, сшибая кресты и размахивая руками. У горизонта сыла бледная вечерняя заря.

...Чмотанов очнулся в избушке, освещенной пятнадцатисвечевой лампочкой. Ветхий лысый дед в латаной-перелатанной жилетке стоял у самодельной книжной полки. Пятьдесят пять томов в одинаковых переплетках и несколько рваных брошюрок с буквой ять в заголовках — вот и вся библиотека.

— Возвращение блудного сына, — картавил старичок, стягивая с Чмотанова заляпанное грязью пальто. — Прощу, батенька, садитесь. Сейчас будем пить чай! А вы, действительно, случайно не... в некотором годе не годственный мне? Внешнее сходство есть, и довольно большое...

Чмотанов тарашил глаза, силился понять: «Картавит, отроду лет сто».

Дед возился у электроплитки, сердился:

— Опять пегегогела! Ну, ничего, мы это починим. Но каковы кгохобогы: столько турбин построено, и до сих пор зне'тия — четыре копейки киловатт. Никакой пенсии не хватает. И опять выход один — нелегальное положение.

Дед ловко вставил проволочку в счетчик, тот перестал крутиться, а плитка занялась малиновым огнем.

Пили чай. Дед толковал о дружке своем Сашке, который живет в Америке, и, как и раньше, ни хрена не понимает в мировой политике.

— Сто лет прожил, а ума не нажил. Так и не понял, за что его из Госсии выпегли.

«На что намекает?» — недоумевал Ваня и осторожно спросил:

— А ты, дедок, чем занимаешься?

— Бегегу кладбище, это меня устанивает. Пенсия полностью плюс заплата. Летом подгабатьваю, стогожу сено на лугу. Дело это мне знакомое издавна... Вы скажете — есть дела и поважнее. Лет пятьдесят назад я бы с вами согласился, а сейчас, батенька, увольте. Вы пейте чай, не то остынет. Так вот, заботы были немалые, здоговьишко пошатнулось, суете вокруг, доктога заде'тали, а я их стгасть не люблю. В Госсии меня всегда тянет уйти в подполье. И я в одно пекгасное утро ушел из дому. Совсем как г'аф Толстой. Несколько лет жил инкогнито. Писал, думал... К сожалению, ничего не могу показать, на полке этого нет, хганю в укгомном месте. Так вот. Когда спохватился — было позано: товагищи все уже гешили за меня. Появление было бы просто неуместно.. Я занялся своим здоговьем. Изучал йогу, пегестал читать газеты — кгугом твогилось что-то непонятное... Изгедка пегеписывался с Сашей, мы знаем дгуг дгуга еще с гимназии. В общем, не стоит и вспоминать, что было — того уже не вегнешь...

Ваня впился в очертания стариковской тени... Голова, плечи... до ужаса знакомые... Тень зашевелилась... Буднично зазеленел о блюде стакан...

Руки у Вани задрожали в нервном тике...

★ ★ ★

...Очнулся он в избе у Маняши, с мокрым полотенцем на лбу. Помнил только одно: как он шел, перебирая руками колья плетня, а в небе висел колдовской серпик луны, и зеленые огни — парой — светились позади в темноте, — глаза не то собаки, не то волка...

★ ★ ★

Настал день, когда Ваню Чмотанова разбудил невнятный гул и ропот. Он выглянул в окно. Площадь запрудили голокомчане. Мялись, переговаривались, ждали выхода вождя. Было двенадцать часов.

Чмотанов почувствовал нехорошее и подумал: не позвонить ли в милицию? С досадой вспомнил он о поспешной и непродуманной ликвидации следственных органов.

— Ванюшка! Что-то будет?! — пугалась Маня, стоя у окна в полотняной ночной рубашке.

Вбежал, тяжело дыша, единственный комиссар Аркаша.

— Ванька! — кричал он. — Беги! Бить будут!

— То есть как?

Зазвенело стекло в отдаленном конце зала заседания.

Ропот толпы усилился. Ваня спешно натягивал штаны. Из нижнего этажа слышались мощные удары в дверь.

— Пора говорить с народом, — решительно сказал Ваня.

Он вышел на крыльцо горсовета. Толпа онемела. Так привычен был дорогой образ, что впору повернуть обратно и терпеть.

— Товарищи!! — гаркнул Чмотанов. — Что привело вас сюда? Почему вы не на своих родных фабриках и заводах? Они принадлежат вам, ступайте работать!

— Күрева нету, — юродиво заныли в толпе.

— Жратвы мало! — басом рявкнула баба в грязном тулупе.

— То есть как мало? — грозно спросил Ваня. — Что, так уж все и слопали?

Толпа утвердительно засопела.

— Можно сказать, нету пищи, Владимир Ильич! — бойко крикнул инженер игольного комбината.

Ваня растерялся. Все долго помолчали.

— Вы б позвонили в центр, пусть эшелон пришлют! — посоветовали бабы.

— Накорми, накорми! — разгуживалась толпа. — Пять тысяч нас здесь, сотвори чудо, чтоб еще и запас остался! Твои мы, в столицу пойдём, если б надо.

— Иль не веришь нам?! — прорвался вперед плотник номер один.

— Да я за тебя... руку отрублю! Хошь?

— Отруби, — бессмысленно сказал Ваня.

Плотник крикнул, побледнел и вынул топор.

— Товарищи! — плачущим голосом сказал он. — Вот, для родного Ильича руки не пожалею!..

Стало тихо. Плотник поднялся на крыльцо и поплевал на ладони. И положил правую руку на перила крыльца. Потом подумал и положил левую. Высоко над головой лучший плотник занес блеснувшее лезвие и — жажнув — ударил. И промахнулся.

Толпа крикнула, ничего не поняв, и присела. Плотник упал в бесознательном состоянии.

— Виданное ли дело — людей калечить! — заголосили бабы, а пуще всех визжала красавица Полина, жена плотника.

— Ай, какой мастер был! Ай, где ж теперь заработка возьмет! Ай, гроба дрянного сколотить не сможет!

— Действительно, чтой-то очень странно, товарищ начальник, — сказал рослый парень в спортивном костюме. — Вот лежали вы, где положено, и вдруг у нас в городе объявляете, народ смущаете...

В доме напротив горсовета с треском распахнулось окно, и по пояс высунулся распространитель Босяков.

— Да здравствует Ленин! — провозгласил он на всю площадь.

— Скотина! — заорали в толпе. Метко брошенный ком стылой земли ударил Босякова в лоб. С воем он отвалился внутрь помещения.

— А вот я думаю... что, если... — начал спортсмен и, не договорив о своем намерении, ударил Чмотанова в ухо. Толпа перекрестилась.

В ушах Вани поднялся колокольный трезвон.

«...в ухо?..» — запаздывая, проявлялось в сознании самозванца. Инстинктивно он уклонился от второго удара, и кулак молодца врезался в дубовую двухметровую стойку, подпиравшую козырек крыльца. Она задела, как струна, и вылетела из пазов.

Крыльцо с грохотом упало и завалило Чмотанова. Публика протрезвела.

— Эх, променяли кукушку на ястреба! — заплакали голокомчане и бросились разбирать доски. Ваню вытащили полузадохшегося, посиневшего. Откачивали. Спортсмена деловито дубасили станционные грузчики.

В дверях новенького финского своего домика показался, держась за косяк, лектор Босяков с перевязанной головой.

— Я же говорил, — плаксиво начал он, — что никакого воскресения быть не может: физика, партия и правительство учат нас...

— А тебя мы поучим! — заревели голокомчане. Босякова повалили и топтали ногами.

Чмотанов охнул раз и затих. Его понесли на руках.

Шли мрачные.

★ ★ ★

Два агента, сброшенные на пригородном болоте ночью, проснулись и позавтракали калорийным пайком, свернули надувные матрацы и двинулись к городу.

— Буратино, — сказал агент шедшему рядом товарищу. — Я Звезда. Как слышите, прием.

— Хорошо, — сказал Буратино.

— Впереди на дороге скопление народных масс. Что это? Прием.

— Несут кого-то, — сказал Буратино.

— Проверим, прием.

— Поглядим, конечно.

Агенты шли по снежному полю в белых синтетических куртках.

Они выбрались навстречу процессии. Как было условлено, Звезда ушел вперед.

— Хороните? — спросил шепотом Буратино у бабы, замороженно уставившейся на импортную форму агента.

— Где брали? — спросила она тоже шепотом, ощупывая материал.

— Чего?

У бабы адским пламенем разгорались глаза: — Шить отдавали или так достали?

— А! — отмахнулся агент. — На работе дают, спецовка.

— Ну уж! — поджала губы женщина. — У нас тоже вон спецовки да телогрейки дают, срамота да и только.

— А куда идут все эти рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция? —

— Да вот Ленин у нас в Голоколамске объявился, помяли стгоряча. В больницу несем.

— Ленин?! — заволновался Буратино.

— Ну да, Ленин. А что?

Агент протискивался вперед. Баба вцепилась в него и тащилась сзади:

— А как, со скидкой дают шубки-то или дорогие?

— Отцепись!

И точно: на руках членов месткома Игольного комбината им. Павлика Морозова лежал Ленин.

«Звезда, я Буратино! — засипел агент в микрофончик, зашитый в носовом платке. — Я у цели, у цели! Как слышите, прием».

— Отлично слышу! — рывкнула шапка на голове Буратино. Тот, чертыхнувшись, стащил шапку, растроганно мял в руках, вертя ручку громкости.

Впереди на дороге маячил Звезда.

«Вызови транспорт, приятель, берем цель!».

— О'кэй! — заорала шапка.

Звезда сошел в ковет, зарылся в снегу и вытащил из живота пруттик антенны.

Буратино дернул в кармане предохранитель двенадцатизарядного кольта и шел сзади месткома, пожирая Ваню глазами.

«Полное сходство. Где только он уродился», — радостно думал агент.

Профессиональным острым взглядом заметил над горизонтом стрекозу, почти не двигающуюся с места.

— Товарищи! — Буратино выбежал вперед, останавливая процессию.

— Ваше превосходительство рабочий класс! Успеем ли мы донести товарища Ленина? Вызовем скорую помощь! Вождь пролетарской революции в опасности!

В небе раздался гул двигателей. Буратино замахал носовым платком.

Звезда выстрелил из ракетницы. Вертолет медленно снизился. Голокомчане зачарованно смотрели на транспорт будущего. Вывалилась веревочная лестница. Подрыгнув и забравшись на перекладину, Звезда подплыл к членам месткома. Уцепившись ногами за лестницу, агент свесился и обнял Ваню за талию.

И тут голокомчане разглядели на светлозеленом брюхе вертолета иностранные буквы: UdSSR.

— Шпионы!! — что есть силы закричал зампреда месткома

Барашков (сам председатель лежал, трепеща, на комбинате в ящике с конторскими кнопками). Он подпрыгнул и ухватил Чмотанова за штiblеты. На заместителе повисли четыре члена профсоюза, а последним прицепился Буратино.

— Караул! — заорал Чмотанов.

— Невежи! — визжал лектор Босяков, вынырнув из толпы. — Человек именно тем, и только тем и отличается от атома, что он неделим! — Его моментально смяли.

Буратино не потерял присутствия духа. Он лез вверх по живой цепи, применяя против месткомовцев приемы из всемирно известной борьбы хун-ци.

На высоко болтавшейся лестнице висели агенты и Чмотанов. Заместитель Барашков сорвался и тяжело ударился о землю. За ним просвистел чмотановский ботинок.

Сельповский сторож Аггеич сорвал с плеча неразлучную двустволку и прицелился в выпуклое брюхо вертолета.

— Бей, Аггеич! Уйдут, бей Христа ради! — кричал у него над ухом безоружный председатель ДОСААФа.

— Дык у меня в одном стволе — соль, а в другом горох! — по-бабьи причитал Аггеич, не отрываясь от приклада.

— Да не тяни ты! Огонь! — скомандовал побледневший председатель и рубанул воздух ружьей.

Аггеич нажал на спусковой крючок.

Громыкнул выстрел. Вертолет крутануло в воздухе. Лестница оборвалась, посыпались люди, и —

расторопные официанты из ресторана «Дорожный» поймали Ваню Чмотанова на растянутое полотнище переходящего Красного знамени.

— Огонь! — опять рубанул воздух досаафовец, и сторож Аггеич всадил горох в моторную группу вертолета.

Машина ринулась к земле. Грянул взрыв.

В стороне от дороги взвилось пламя над грудой продырявленной фанеры.

— Так их... мать! — ахнул председатель. — Будут знать, как Ленина воровать!

Доблестных зенитчиков окружила толпа. Им жали руки, пытались качать. Аггеич самодовольно крутил ус и кричал: «Знай наших!»

Заграничный стервятник догорал в поле.

...Ваня Чмотанов со строгим лицом, вытянувшись в струнку, лежал на алом полотнище. Люди жались к нему все ближе, держались за края знамени. Осторожно положили рядом с Ваней оброненный ботинок.

Барашков прикладывал снег к раздувшемуся носу.

— Ладно, пошли обратно, — сказал он. — Не вышло, просчитались злодеи. Впредь будем бдительнее.

— Заступник ты наш родной! — причитала баба в телогрейке, протягивая к Ване руки. — Веди нас! Будем холод и голод терпеть, только не серчай на нас, скорее поправляйся!

Ваня, пришедший в себя, слабо улыбнулся и, преодолевая чудовищную головную боль, взял под козырек.

— Аркадий, — сказал Чмотанов. — Мне пора соскакать. Подыщи машиниста на станции, скажи: надо ехать в Разлив. Или как сумеешь, но чтоб паровоз был. Сегодня ночью я отбываю.

— А я? — тоскливо протянул Аркаша.

— А ты останешься здесь в качестве Чрезвычайного и Полномочного Комиссара! Мандат выписать?

— Мы можем и без мандату кровя пускать кому следует, — презрительно усмехнулся Аркаша и расправил плечи. — Ну и тряхну я их в тереберину мать, пусть знают, кого потеряли. Хошь, речь скажу, когда отъезжать будешь? «Уходя от нас товарищ Ленин завещал нам...»

— Брось паясничать! — нахмурился Ваня. — Промедление смерти подобно. Дуй за паровозом.

Глухой ночью с запасного пути станции Голоколамск - 1 без гудка отходил паровоз «овечка». И хотя все свершалось инкогнито, без свидетелей исторического события не обошлось. В дубленых полушубках, платках и валенках толпились они у отдувающегося белым паром локомотива. Сыпал сухой снежок, с невидимой мачты слепили глаза станционные прожектора.

Старый машинист Стакашкин потянул ручку реверса, и городские огни медленно поплыли назад. Чмотанов не выдержал и выглянул, сжав кепку в руке.

Его сразу узнали. Раздался сдавленный крик: «Да здравствует...»,

но кричавшего повалили, накрыли тулупом. Люди бесшумно рукоплескали. Корреспондент «Ленинской правды» бешено чиркал неработающей авторучкой в крошечном блокнотике. Рядом с подножкой набирающего скорость паровоза бежала заплаканная учительница начальной школы и, закидывая вверх голову, впитывала навеки любимый образ вождя.

Чмотанова проняло это непосредственное проявление чувства. Он понял, что должен сейчас, сию минуту сделать что-то для этой женщины, ошастливить на всю жизнь... Резкий ветер бил Чмотанову в лицо, выжимая слезу. Он нащупал за пазухой тяжелый пакет с деньгами голоколамской сберкассы, но в тот же миг ощутил в самой глубине сердца укол: «Не то...» Он высунулся по пояс в окно и, глядя в глаза задыхающейся, отстающей учительницы, крикнул:

— Держи-и! — И швырнул в протянутые руки свою историческую кепку.

Паровоз прогрохотал по выходной стрелке, окутался паром, — и все

— Не так, паря, лопату держишь... — начал было машинист Стакашкин, но осекся. — Простите, Владимир Ильич...

— Николай Иванович, — мягко поправил Чмотанов. — Теперь меня зовут Николаем Ивановичем. Так надо. — Пояснил он, заметив, что Стакашкин чешет в затылке.

— Надо, так надо, — добродушно согласился машинист. — Я одно в толк не возьму, как мы до Разлива доедем, я по карте смотрел — не нашел...

— Добежемся, догогой товагиц, непгеменно добежемся, — вспомнив, что надо картавить, успокоил его Чмотанов.

— А что вы там будете делать, товарищ Ленин, опять книгу писать? — блестя белками глаз, возбужденно спросил молодой помощник машиниста.

— Вот чегт, бгигада попалась инфогмигованная! Видать, ни одного политзанятия не пропустили, — вживаясь в образ, подумал Чмотанов.

— А ты, Гарька, не в свое дело не суйся, — оборвал Стакашкин. — Смотри вперед да помаквивай.

— Я что, мое дело маленькое, — забормотал сконфуженный Гарька. — Смотри — не смотри, все равно никого нет, поезда неделю не ходят.

Дрожащий луч паровозного фонаря выхватывал из тьмы серебряные полосы рельсов, уходящих в белую мглу.

На сто первом километре Стакашкин остановил паровоз.

— А? Что? Где мы?... — озирался спросонок Чмотанов, прикорнувший на разnojке. Снег валял все гуще. Стакашкин взял лом и ушел в темноту.

Ярко пылал уголь в открытой топке.

— Кум тут у старика, обходником, пояснял Гарька, заметив беспокойство пассажира. — Мы у него завсегда чай пьем, а то и обедаем. Удобно, здесь запасной путь есть. Вот, говорят, нас на электровоз скоро переведут, не знаю тогда, что и делать... Придется самим над запаской провода натягивать, иначе с главной линии не свернешь и не жрамши останешься.

— А лом зачем? — подозрительно спросил Чмотанов.

— Так стрелку переводить, — сказал Гарька, прикуривая от уголька. — Тут раньше рычаг был, как положено, да наехали инспектора и отвинтили, чтоб мы не баловали. Переночуем и дальше подадимся. Распихания нет, светофоры не работают, неровен час, на повороте врежемся в кого-нибудь.

«Бестолковщина и газвгащенность и ни на г'ош тгудового энтузиазма», — возмущился Ваня, но промолчал.

★ ★ ★

В домике обходчика было тихо и тепло. Уютно стучали ходики. За окном мягко, хлопьями валял снег.

Чмотанова поместили на сухой и горячей лежанке. Ему не спалось.

«Нет, мне с этими паровозниками не по пути. Как пить дать, сами засыпаются, и меня засыпят. Ну и кадры у Аркадия. Поселились на железной дороге — и живут, не думая, что по ней летит локомотив истории, Ладно, черт с ней, с историей, надо уносить ноги... и деньги. Тьфу, чуть было не кинул их той дурехе. Вот ей ничего теперь не надо, полное удовлетворение получила. А я еще нет. Будем действовать».

★ ★ ★

— Доброе утро, ребята! — будило радио. — Пи-а-нерская зорька! Запели фанфары.

Проснувшись, Ваня глядел в потолок и вспоминал. Голоколамск, стихия народных масс, кладбище, рейд на паровозе... э, а деньги-то!

Пакет был на месте, под подушкой.

Радио жило своей жизнью.

В комнате хозяев шумел самовар.

Ваня оделся и, открыв дверь, замер.

За столом сидел пожилой милиционер с погонями младшего лейтенанта. Оттопырив губы, он дул на блюдечко с чаем. На столе лежала ветхая черная кобура...

С невозмутимым видом сидели присутствующие. Машинист уткнулся в чашку. Гарька и хозяин дома в ситцевой рубашке внимательно слушали милиционера.

— Всю ночь, почитай, шел. Участок большой, а лысых и скуластых у нас вон сколько. Я вам разыскной лист сейчас покажу.

Милиционер расстегнул кобуру. Из нее выкатилась катушка с нитками, попадали на пол пуговицы («Женские-то зачем», — не к месту удивился Ваня), баночка с асидолом и граммов сто пятьдесят дешевых бледнозеленых карамелек. При виде конфет участковый заметно смутился:

— Забыл совсем... Берите, ребята...

Смущенно он оглянулся. В дверях стоял Ваня Чмотанов. Наметанный глаз милиционера не отрывался от лица Чмотанова, медленно наливаясь кровью.

— Гражданин! — позвал он служебным голосом. — Подойдите сюда.

— Это гость наш, Николай Иванович, — засуетился хозяин. — Знакомся, Ерофей Кузмич...

— Я не Ерофей Кузмич, — отрезал милиционер. — Я теперь участковый Усякин!

— Следуйте за мной, гражданин! — кинул он Чмотанову, подвешивая к поясу кобуру.

Растеряв личный состав, генерал Глухих продирался через чащу. Выйдя на обтаявшую полянку, изможденный, повалился он без сил, но вдруг услышал, как в лесу чертыхаются. Насторожившись, Глухих поднял голову. На противоположном конце полянки стоял Слепцов и вытирал грязь с кителя. Тихо набухала в Глухих благородная ярость. Слепцов вышел на солнечный пятачок и сладко потянулся. Глухих не выдержал. Страшно захрюкав, он побежал на противника, спотыкаясь короткими ногами, выставив вперед могучий лоб, словно кабан на охотника.

Слепцов немедленно узнал гнусного соперника. Узенькие глазки его засветились, как у Голема. Когда Глухих, хрюкнув, ударила головой в живот несостоявшегося диктатора, Слепцов что есть силы рубанул по толсто набрякшей шее изменника. Они расскочились.

— Хунту устроить хотели, Григорий Борисыч? — провизжал Глухих.

— Предатель! — зарычал Слепцов.

Они снова сошлись. Рева медведями, ходили они в обнимку по поляне, споткнулись и покатались. Слепцов разорвал воротник изменника и сладко впился клыками в жилистую шею. Противник елозил под ним, стараясь достать из кармана финский нож.

Клыки Слепцова медленно сомкнулись, когда правая рука Глухих, действуя сама по себе, вонзила жестокую сталь по рукоять в спину мятежного генерала.

★ ★ ★

На сцене Дворца съездов торжественно воссел поредевший президент. В зале, оборудованном по последнему слову техники умелыми заграничными рабочими, поместилось 1000 человек. Их сходство заставляло думать об исполинском лоне, сумевшем породить столько детей, до ужаса похожих друг на друга. В зале сидели с красными блокнотами узбеки и туркмены, казахи и русские, азербайджанцы и биробиджанцы.

Это был ленинский форум.

Среди делегатов с мандатом № 666 находился Ваня Чмотанов.

★ ★ ★

В примолкшей столице, подавленной грохотом шестидневной войны Слепцова и Глухих и комендантским часом, циркулировали слухи. Однако воскресение показалось горожанам немножко необоснованным. Они с жаром приняли версию о том, что прах, по всей видимости, продан за границу на валюту.

— Почему бы и нет? — рассуждали обыватели. — Газ продаем? Продаем. Нефть? Лес? Икру? Водку? Картины? Иконы? Старинные рукописи? Книги? Фильмы? Романы?

— Почему бы и нет?

— Ну что уж так, Петр Христофорович. Святыня. Знамя нации.

— Хе-хе, Пал Палыч, куда хватили, хе-хе!

Мавзолей пустовал. Естественно, официально об этом молчали.

★ ★ ★

— Товарищи! Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои! — начал Генеральный секретарь. — Ближится великое торжество. Мы должны прийти к нему, как всегда и все как один. Бесконечно благодарны мы великому, гениальному, но вместе с тем и самому простому чело-

веку. Он — самый простой гений всех времен и народов. Свет Его идей озарил, с одной стороны, все континенты, а с другой стороны, затмил все другие идеи. Все мы должны ясно осознать это. Если бы не было Его, что было бы с нами сейчас? Я лично работал бы простым землекопом. Благодаря новым идеям я получил все, что я теперь имею. Мы воочию видим всепобеждающую силу Его учения, потому что оно верно.

И вот мы пришли к самому большому празднику на земле. Его будут отмечать все народы. Можно сказать, что если взять любого другого человека, даже оставшегося в памяти потомства, то он просто клоп по сравнению с Ним, его не разглядишь в телескоп. Мы должны ясно осознать это. Перед вами, товарищи, стоит важная и нужная задача, а именно: найти здесь, в этом зале, того, кого природа сделала похожим на Него как две капли воды. Он должен быть товарищем идейно зрелым, морально кристальным. Так-то, товарищи. Ему предстоит большая работенка.

Бурно аплодировали делегаты и эксперты. Зал буквально взорвался песней «Ленин в тебе и во мне».

В перерыве рванулись к буфету. Мгновенно набили сумки, портфели и мешки разнообразной снедью. Многие делегаты познакомились и подружались.

— А ты откуда? интересовался рыжеватый плешивый делегат с татарскими чертами лица у седоватого плешивого делегата с острой бордой.

— Я, значит, с Урала. Однажды приходит повестка из военкомата: с вешами. Баба моя струхнула, война, говорит, с китайцами. Ничего, говорю. Ан нет — никакой войны, сюда привезли на самолете. Под суд, думал, пойду. Ну, а у вас как там?

— С мясом плохо.

— А у нас с посудой.

— Так у нас и с водкой плохо.

— Это что! У нас и вина не найдешь, сами гоним.

— А у нас ботинки поди купи.

— Ботинки! Я в кепке всю зиму хожу, шапки ни за какие деньги не найдешь.

— Шапка! У нас попробуй картошки достань!

— Картошка. У нас водопровод поломался, три месяца снег таяли.

Прозвенело в третий раз. У дверей в зал дежурили эксперты. Ясно неподходящих мягко останавливали и делали знак товарищам в штатском.

В вестибюле стоял стон. Безжалостно вытряхивали из мешков и порт-

фелей продукты и относили снова в буфет. У подъездов Дворца фырчали автомобили. Не пригодившихся кандидатов увозили на вокзалы и в аэропорты, вручив три рубля и билет до места жительства.

Бурно негодовал Ленин с Урала, когда отняли у него шапку, ботинки и семь килограммов колбасы. Ильичи посмекалистее выносили пищу под платьем.

Уцелело после селекции всего двести человек.

Их по одному заводили в комнату, где заседала комиссия экспертов под председательством академика Збарского. Приглашены были врачи, художники и старые большевики. Если кандидат не подходил (то есть получал менее 20 баллов), председатель поднимал красный флажок; кандидата вводили направо в коридор. В благоприятном случае — вверх налево по лестнице.

Ввели, наконец, Ваню Чмотанова.

— Чудесный экземпляр! — громко прошептал профессор Сухин.

— На редкость, на редкость, — согласился доктор Лунц.

— Самородок! — поддакнул живописец Трезоркин.

— А вы что скажете, Марья Конспиратовна? — спросил Сухин старую большевичку Пролежневу.

— Вылитый Владимир Ильич! — сказала старушка, поднося к носу лорнет.

— Он. Как сейчас помню... Ах, я тогда была молода, и за мной ухаживал шикарный ротмистр... забыла его имя... Знаете, как в старое время, с усами и саблей. И вот однажды в Маринском театре, представьте себе, на сцене светло, а в зале темно. И мы сидим с ним в ложе...

Збарский наклонился к Пролежневой и зашептал что-то на ухо.

— Да, да, конечно. — Спыхватилась Марья Конспиратовна. — И вот я решила во что бы то ни стало встретиться с Ульяновым. Я поехала в Париж. Приезжаю, а мне говорят: Тулин в Париже. Тулин — это клычка Владимира Ильича. Я еду в Париж, страшно волнуясь, а мне говорят: он в Баден-Бадене. Я сажусь на поезд, приезжаю в Баден-Баден... увы! Он, говорят мне, в Женеве. Я немедленно ночным скорым выезжаю в Женеву. Прихожу в клуб социалистов, и мне навстречу выходит чудный мужчина, с усами, точь-в-точь мой ротмистр. Я говорю: здравствуйте! Ну, и пароли, конечно, все чин-чином. Он расспросил меня о настроениях в России, о жизни пролетариата. Чудесно поговорили. И он провожает меня до гостиницы, настоящий джельтмен! Мы прощаемся, он целует мне руку, — о, чудный, чудный! — и я говорю: до свидания, Владимир Ильич. А он засмеялся и говорит: «Я — Красин». Как, говорю?

Вы, наверное, имели в виду Владимира Ильича? — Да! — Так он сейчас в Лондоне. — Вы представляете? Денег до Лондона у меня уже не было, пришлось вернуться в Петербург.

— Так Вы не встречались с Владимиром Ильичем? — раздраженно спросил Збарский.

— Очень сожалею, но не пришлось.

Лүңц скрипнул зубами.

— Следующий! — крикнул Збарский и заметил, провояжая взглядом Чмотанова. — Вряд ли встретим лучший экземпляр.

Комиссия выбраковала человек десять, когда вошел коренастый, широкоплечий, с заложенной в карман рукой Токтоболот Абдомомунов.

— Он... он... он... — зашелестело в комиссии. Да, это был живой Он. Лүкавя, смотрели раскосые глаза. Торчала бородака клинышком.

«Вдруг грим?» — подумал Збарский и невольно спросил: — Не хотите ли умыться?

— Зачем? Савсэм чыстый, — улыбнувшись широкой ленинской улыбкой, ответил Токтоболот.

— Ваш мандат? — ласково сказал Сүхин.

Мандат Абдомомунова значился под № 317. Он получил 40 баллов.

— Очень хорошо, Токтоболот. Вам бы лет на 100 раньше родиться. Еще неизвестно, кто бы Лениным был... — сказал Збарский кандидату № 1.

...В глухой комнате без окон при одной запертой двери собралось семеро Лениных.

— Не нравится мне это, ребята. В тюрьму попали. — Нарушил молчание Чмотанов.

— Хватил! Вон жратвы сколько набрали, на месяц.

— В начальство пойдем, должно быть...

Дверь распахнулась. Вошли врачи в белых халатах.

— Товарищи. Быстренько пройдем медосмотр. Всем раздеться. — Негромко приказал д-р Лүңц.

— Совсем? — злобно спросил Чмотанов. «Ясно, шмон будет», — подумал он с яростью.

— Да. побыстрее.

Перед врачами стояли голые копии вождя. Мерили рост. Взвешивали. Выслушивали.

— Сердечко у Вас пошаливает? — весело спросил Сухин у номера триста семнадцатого.

— Есть нэмного, — отвечал Токтоболот.

— Ничего, ничего, — успокаивал врач.

— № 666! Будьте добры, нагнитесь. Так. Теперь...

Но Чмотанов, не дожидаясь команды, раздвинул ягодицы, подумав: «Сядем».

Д-р Лунц остро взгляделся в волосатую темноту и сделал запись в вахтенном журнале.

— Следующий!

Врачи осмотрели всех и ушли с богатым эмпирическим материалом.

★ ★ ★

Каждый член отборочной комиссии получил семь билетов с номерами кандидатов. На нужном билете следовало поставить крест.

В присутствии ревизионной комиссии вскрыли урны и огласили результаты.

Пятеро получили по одному кресту. Чмотанов собрал три. Абдоменунов 37 крестов. Конкурс на вакантное место завершился.

★ ★ ★

В банкетном зале собралась масса гостей. Правительство, члены комиссии, семеро кандидатов, представители общественности.

Множество было тостов. Много ели. Сновала обслуга.

★ ★ ★

В кухне стоял отдельно поднос с семью бокалами.

Д-р Лунц вошел в сопровождении ассистента, несшего маленький баульчик.

— Будьте добры, наполните бокалы шампанским. — Приказал доктор дворецкому.

— Сию минуту-с.

Шипя, золотистое вино лилось из толстогубых бутылок.

Вошел агент, переодетый официантом.

— Оставьте нас одних. — Распорядился доктор.

Д-р Лунц расстегнул баульчик и достал широкогорлый флакон оранжевого стекла с притертой пробкой. Надев резиновые перчатки, он извлек пинцетом прозрачный кристалл.

Мгновение пинцет помедлил... и выронил вещество в бокал. В лилию из ниток пузырьков обратилось оно. Кристалл исчез. Токи винного газа поднимались со дна бокалов. Отличить было невозможно.

— Запомнили, молодой человек, в каком именно? — с коротким смешком спросил доктор агента.

— Так точно! Справа, второй по часовой стрелке.

— Прошу вас, маэстро! — улыбнувшись, врач в белом халате указал агенту на поднос.

★ ★ ★

В дверях банкетного зала показался ловкий молодой официант. Академик Збарский оживился.

— Дорогие товарищи! Позвольте мне предложить тост за того, чье имя живет в веках!

Хлопнули пробки. Изящно лавируя, официант подошел к стойке кандидатов. Они чувствовали себя несколько стесненно в роскошной обстановке дворца.

— Прошу вас!

Все разобрали бокалы. Чмотанов мрачно курил.

— А что же... Вы?

— Я только крепкое пью, — сказал Ваня. — Этого не принимаю.

«Вот черт! Нужен ты нам, собака!» — выругался в душе агент, но улыбнулся:

— Не обижайте нас... Попробуйте... из лучших погребов дружественной нам Франции. И потом... особый тост. За Ленина!

Чмотанов смял сигарету и залпом выпил шампанское.

★ ★ ★

Глубокой ночью разбрелись спать тут же, во дворце.

Врачи, почти не пившие, собрались в смотровой.

— Я думаю, Абдомомунов уже готов. Подождем для верности еще полчаса, — заметил д-р Лунц, подравнивая пилочкой заусенец на очень красивом ногте.

В пять утра шестеро взрослых мужчин в белых халатах гуськом шли по слабо освещенному коридору.

— Он здесь, — томно сказал Збарский и нажал на дверь. Она была заперта. Д-р Лунц вынул отмычки и моментально открыл замок.

В комнате храпели. С неприятным чувством врачи включили свет в прихожей. На диване, разметавшись, спала уборщица этажа Капа.

— Что за черт! — шепотом сказал Сухин.

— Тихо! — сжал ему руку Лунц.

Рядом с Капой под одеялом виднелись очертания еще одного человека.

— Бедный. Он словно чувствовал и торопился вкусить последние радости, — прошептал с умилением Збарский.

— А каково ей, этой женщине. Вдруг проснуться рядом с трупом, — сказал Сухин.

— Смерть в твоей постели, это ужасно, — подтвердил д-р Лунц.

Врачи приблизились и осторожно приподняли одеяло. Лицом в подушку, нелепо расставив ноги, лежал Токтоболот Абдомомунов, № 317.

— Взяли! — командовал Збарский.

Жаркими руками взялись эксперты за труп и понесли. В полутьме неловко ткнули его головой в шкаф.

В тот же миг труп ожил в их руках и вырвался. Благим матом заорали врачи в белых халатах, никогда не терявшие присутствия духа. Эксперты, споткнувшись, попадали сверху на Токтоболота и образовали брызжущую кучу-малу.

— Провокация! — слышались задүшенные голоса.

Первым вылез совершенно голый Токтоболот Абдомомунов. В ужасе тарашил он глаза на беспорядочную свалку. Охая, хватаясь за бока, от месива светил отделился акад. Збарский. Голая Капа, уборщица, в панике нырнула под кровать. Там же укрываясь, хватаясь за сердце, № 317.

— Это что же, уважаемый коллега Лунц, вы ему *aspirini* всыпали? — ехидно спросил Сухин у Лунца, когда, оправившись, доктора стояли на ногах.

Лунц обескураженно молчал.

— Отвечайте, Лунц! — со злобой сказал Збарский. — Диверсия, значит? Под суд захотели? Мы вас в ваш институт и запрем!

— Что вы... ради Бога! — Лицо Лунца позеленело. — Я прописал настоящий *sublimate* ... Я обязуюсь... выполнить и перевыполнить...

Лунц в белом халате упал на колени и умоляюще протягивал руки к коллегам. Ничто не могло спасти Лунца.

О, улыбка судьбы! Как часто, отняв у человека последнюю надежду, ты даруешь ему спасение!

Страшный глухой крик донесся из-за стены. Медленный, но сильный яд одолел, наконец, железный организм Вани Чмотанова.

Лунц был спасен.

22 апреля ровно в 11 утра открылся для доступа мавзолей. Тысячные толпы непосвященных и тех, до кого дошел невероятный слух, в сапогах, ботинках, калошах и без калош, повалили на Красную площадь.

На подушках лежал Он. Наличествовали все части тела.

Люди, подгоняемые повеселевшей охраной, шли и старались задержаться на секунду дольше, чтобы навсегда сохранить в памяти дорогие черты самого человеческого человека, самого простого и гениального — черты Ивана Чмотанова.

★ ★ ★

Вечером того же дня грянул салют. Заплясала Москва. Запели и заплясали все города мира. По б. Тверской катили бочки с бесплатным пивом. На площадях громоздились лотки с бесплатными бутербродами.

Ликовал весь земной шар.

Стоп. Здесь начинаются недопустимые для исторического свидетельства домыслы, а ведь честное, незапятнанное имя для меня дороже всего.

Москва
Апрель 1970 г.

ЭТО удивительное произведение пришло к нам из СССР с нижеследующим письмом — послесловием. Мы даем, здесь, для курьеза текст этого письма — но, конечно, мы не сомневаемся — учитывая стиль и настроения автора «Смуты», — что подпись, поставленная в конце письма, не соответствует действительности.

Издательство

Наверное, поклонникам моего творчества, знаящем, что я давно уже приравнял перо к винтовке, это произведение покажется необычным и из ряда вон выходящим. Что за фантазия? — спросит читатель. — Вместо прежней ясности всех установок — полная запутанность и даже непонятные намерения.

А случалось со мной вот что.

В ночь на 1 февраля этого года я проснулся и не мог долго заснуть. Болело сердце. И раньше непонятное чувство мешало мне писать. Теперь оно мешало даже спать. Я зажег лампу и принял сердечные капли.

Утром проснулся, позвонил в редакцию, в издательства и сел работать. Только я приступил к писанию очередного романа, как страшно заболело сердце и случился инфаркт.

После больницы я пишу по-другому.

Сплю хорошо, сердце не болит, настроение прекрасное. Такова врачующая сила литературы.

Прошу считать меня автором только этой вещи, пока единственной. Прошу забыть, что ранее мною написаны многочисленные и даже популярные романы.

Такова моя авторская воля.

Всеволод КОЧЕТОВ

Впервые напечатано в «Русской Мысли», 26 ноября 1970 г.

ACHEVE D'IMPRIMER
SUR LES PRESSES DE
LA SOCIETE D'IMPRIMERIE
PERIODIQUES ET D'EDITION
32, RUE DE MENILMONTANT,
PARIS (20^e), EN DECEMBRE 1970

“Смута” была написана за две — много три — недели. — и мой вкус, слишком быстро. Соавтор подчас противился моей “разнузданной фантазии”. Так выпала сцена, где Генсеку являлась Партия — в виде симпатичной старушки в белом платице.

Оставалось решить, каким образом отгадать повесть в Самиздате с тем, чтобы не распространились сведения об авторстве. Надежность хранения секрета тем ниже, чем больше число людей, им обладающих, это известно. Исключались друзья и родные: как им избежать соблазна вдруг поговорить об этом между собой. — а ведь стены становились с каждым годом все тоньше. И если моим друзьям доведется прочесть эти строки, то я надеюсь, что они поймут и простят: дело шло не о “недоверии” к ним, а об определенных “правилах” и в самом деле подпольного писательства.

Были вещи и потоньше. Вряд ли, например, я решился бы показать “Смуту” покойному Соковнину: мне казалось, что для него это “низкий жанр”, имеющий в общем-то лишь косвенное отношение к искусству.

В конце концов, я оказался в выгодном положении: я слышал мнения о “Смуте”, высказанные с полной откровенностью — и говоривший не подозревал, что автор-то перед ним. Стучалось слушать и пересказы “Смуты” — и сколько новых (устных) вариантов я узнал! Иногда молва “усиливала выражения” до полной непечатности.

Читая материалы суда над Буковским в 1972 году, я нашел, и такой вариант, по-видимому, “Смуты”, рассказанный провокаторм: “Один раз пришел какой-то студент МГУ и читал при мне пасквиль, в котором описывается, как какой-то бродяга издевается над нашими вождями и над В.И. Лениным”.

И публика, и чекисты искали автора — с разными, разумеется, намерениями. О том, что такой-то писатель “Смуту” и написал, причем это “абсолютно достоверно”, — я слышал по крайней мере трижды. Конечно, у публики было больше шансов найти автора. Например, со временем я совершенно забыл, что рассказ большевички Пролежневой в “Смуте” о том, как она так и не встретилась с Лениным, был в свое время отработан как “устный скетч” на какой-то вечеринке с выпивкой, закуской и неперенным состязанием в остроумии. Спустя несколько лет один участник собрания сказал мне при случае, что, видимо, “Смута” написана мною, — он запомнил тот вечер и опознал эпизод с Пролежневой в повести. Я пожал плечами и неопределенно хмыкнул. Знакомый остался доволен таким ответом, и дело дальше не пошло. Может статья, догадывались и другие, но не спешили удовлетворять пристрастное любопытство. Им я особенно благодарен: они берегли писателя.

Из „Ковчега” № 1.

*Николай и Ирина Боковы:
последние дни на родине. . .*

(Подмосковье, 1975 год).